

СИНИЕ звезды софитов мерцали в колосниковом небе. Мягкие стены холщовых пещер колебались от прикосновения нежных теней. В них шуршал тревожный сумрак. Не хватало только сталагмитов. Впрочем, и они появились. Зажглись робкими огоньками.

— Люся, большое спасибо. Выключите канделябр, — сказал в микрофон ультракоротковолновой карманной радиации старший художник по свету Государственного академического Большого театра СССР Б. И. Лелюхин. — Только вот возле двери морщина, нужно сделать световой массаж, разглядеть, — добавил он.

За массивной ногой подсвечника пристроился «скворечник» — крохотный фонарик, который помогал ярче светить сталагмитам-свечам.

— Все в порядке, Люся, теперь включите дежурные софиты.

И сразу на огромной площади сцены стало многолюднее. Тени оказались одетыми в комбинезоны, стали как-то реальнее.

Шли последние приготовления к опере «Псковская женка».

— Теперь мы на нашей «кухне», — объяснил старший машинист сцены В. И. Кашлинов, когда мы прошли в глубь сцены за декорации. — Здесь хранятся спектакли.

В штабелях — жесткие декорации. Мягкие — в семи кассетах под полом сцены. В каждой кассете пять полок с рулонами одежды спектаклей. Когда спектакль готовится к «выходу», его одежды развешиваются, словно на вешалках, на длинных металлических бал-

— именно на 185-м, а не как придется.

— Третий звонок. Актёрам приготовиться к выходу. Увертюра... — предупредил, взглянув на телевизор, старший режиссер Е. П. Нацкий, ведущий спектакль. На экране дирижер уже взмахнул палочкой.

декораций. Нужно ловить его лучами.

Мы увидели, как там, на сцене, заматалась в кинжално узком луче света тень певицы Тамары Мишаниной — изломанная, тревожная...

— **Партитуру мы пишем сами,** — рассказала мастер

И тот же голос аукнулся на сцене:

— **«Заглушку» опустить. Приподнять на поклоне артистов. Снова опустить. Смена декораций.**

Вспыхнули дежурные софиты. Глухо заурчали ролики под светелкой, уезжающей за кулисы. Все двинулось и всё двигалось. Через несколько мгновений в саду вырос терем.

Занавес. Вторая картина. Губы дирижера шевелятся. Он тоже поет. В унисон. Только беззвучно.

Третья картина. Псковское вече. В картонный колокол размахисто бьет гонец из вольного Новгорода. А за его спиной гудит настоящий набат. Один из множества колоколов звонницы Большого театра...

26 (или более того) представительных мужчин в истинных царственных одеяниях столпились за кулисами и кого-то ждали. И вот он явился — «настоящий» царь — Артур Эйзен (он же Иван Грозный).

Он прошел мимо. В чем-то самом золотом и красивом. На самых высоких каблуках. Деловито постукивая царским посохом...

А в закулисной холле три свободные боярыни читали «Вечерку».

Спектакль продолжался...

**Н. ГНАТЮК,
Б. РЯЗАНЦЕВ.**

Посторонним вход воспрещен!

ГДЕ ХРАНИТСЯ СПЕКТАКЛЬ

каж — штанкетных подъемах. Идем дальше. За нашими спинами — атлантовые ноги колонн древнего Большого. Не те, что с фасада, а внутреннее. Они держат на себе «сарай» — кладовую.

Лифтом — на десятый этаж театра — к колосниковой решетке. На ней крепятся ролики. Их 700, и все под номерами.

— Любый спектакль у нас имеет паспорт, — продолжает Кашлинов. — Например, в документе на «Евгения Онегина» записано, что большая колонна должна висеть на 454-м ролике. Люстра из «Пиковой дамы»

Пульт режиссера вообще напоминает научно-исследовательскую лабораторию. Кроме двух телевизоров, здесь множество различных приборов, кнопок, тумблеров, выключателей. Отсюда можно связаться с артистическими комнатами, рабочими галереями под колосниками, регуляторной.

Регуляторщик-художник — лицо в освещении перво-степенное. Своего рода дирижер света. Светит он по составленной заранее партитуре. Кроме того, ему приходится импровизировать. Например, когда солист «заблудится» в тени

по свету Л. А. Горбунова, — но по режиссерской экспозиции. Говорит нам, к примеру, режиссер: «Звезды — 40 градусов. Плюс луч на князя». В переводе на наш язык: первое — интенсивность света, второе — направление, которое мы регулируем на специальном пульте наведения угла прожекторов...

В разговор вмешался дирижер.

— «Пистолет» (прибор, дающий стрелу света) — на боярина... Теперь три такта, два, последний... Снимаем свет.